

Разговор у костра

Создание геологических реперов на арктических островах – дело опасное

С начала 1970-х годов в стране началось бурное развитие морских сейсмических исследований. Пришло это и в Арктику, но для успешного и эффективного использования морских наблюдений нужно было иметь надежные геологические данные по прилегающей к акваториям суши. В связи с этим Министерством геологии СССР перед НИИГА была поставлена задача создания геологического репера на Новосибирских островах, разделяющих моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. В институте была создана Восточно-Сибирская комплексная партия (ВСКП), начальником которой стал Владимир Леонидович Иванов. Партия должна была в течение 1972-1976 гг. провести геолого-геофизические исследования на всех островах Новосибирского архипелага (исключая острова Де-Лонга). Во главе геофизической части ВСКП встал Алексей Лазаревич Пискарев, занявший должность главного геофизика партии.

Геологические задачи, стоявшие перед ВСКП, были успешно решены, но здесь разговор о другом. Не обошлось без чрезвычайных ситуаций, которые, к счастью, не завершились трагедиями.

Часть I. Спасение утопающих – дело их товарищей.

Все виды работ партии осуществлялись на старых изношенных вездеходах, и лишь наш, сейсмический, вездеход был единственным из всех вездеходов партии, который имел герметичную коробку и мог плавать. Поэтому его периодически отвлекали от наших работ и подключали к вытаскиванию из многочисленных водоемов Котельного вездеходов других отрядов. Тонули в основном гравиразведчики, которые должны были работать по сетке профилей и постоянно встречали какие-нибудь лужи и озера. Не желая нарушать прямолинейность профиля, они перелись в воду и застревали там. Из-за этих их постоянных ЧП с легкой руки начальника партии слово «геофизики» не произносилось геологами ВСКП без сочетания с эпитетом, начинавшимся на букву «ё». Геофизики, естественно, отвечали геологам тем же.

В начале сентября гравиразведчики добрались до лагеря сейсмического отряда, разбитого на берегу речки Драгоценной. В их задачу входила отработка трех гравиметрических профилей через Землю Бунге: один центральный вдоль сейсмического профиля и два боковых, параллельных центральному. Они выехали двумя вездеходами, одним из которых командовал Вадим Арпадович Литинский (ныне гражданин США), а на второй сел Пискарев с оператором Василием Алексеевичем Рахиным. Договорились о встрече через два дня.

Прошло два дня, гравиразведчиков не было, а мы продолжали свою работу. Утром выехали на профиль и обнаружили на нем вездеход Литинского. Экипаж мирно почивал, а на мой вопрос о том, где Пискарев, и почему они его не ищут, Литинский сказал что-то успокоительное и продолжил отдых. Мы уехали, и весь день плодотворно трудились. Где-то к концу поступило сообщение от нашего рабочего Володи по прозвищу Редиска, который находился на пункте взрыва в 4-5 км от вездехода. По его словам, он видел сигнальную ракету. Завершив работу, мы двинулись в указанную Редиской сторону. Было начало сентября, поллярный день заканчивался, к вечеру ступали сумерки. Новых сигналов не поступало, и я уже решил дать команду на возвращение, как вдруг совсем недалеко от нас взлетела ракета. Поехали в ее сторону, и вскоре я обнаружил, что едем по воде, хотя на карте в этом месте никаких водоемов не было. Попробовал воду и к своему удивлению обнаружил, что она соленая. И тут же в 200-300 м от нас мы увидели стоящий по крышу в воде вездеход, на котором сверху сидели Пискарев, Рахин и вездеходчик Женя. Потихоньку сдвинули назад на сухое место, выгрузили аппаратуру и людей и двинулись к утопленнику. Вблизи него наш

Участники сейсмологической экспедиции на Новосибирские острова (1972 год).

вездеход всплыл, и мы боком подошли к несчастным, окоченевшим нашим товарищам. Очень осторожно они перешли к нам, мы двинулись назад, забрали все выгруженное, напялили на ребят все, что могли, и на всех парах понеслись в лагерь. Очень кстати в лагере «у нас было», так как вечером мы собирались отмечать день рождения Марова.

Что же произошло? Шли южным гравиметрическим профилем от Фаддеевского. Пикетажная разбивка на профиле отсутствовала, поэтому Пискарев периодически вылезал из вездехода и по компасу определял азимут движения. Другого способа не было, так как на Земле Бунге ориентиров практические нет. Вездеход этот имел одну особенность – его левая гусеница была немного короче правой, поэтому его все время заносило на юг к берегу залива Геденштрома. Когда обнаружили воду, Пискарев очень удивился, но продолжал движение. Видимость была плохая, казалось, что это какой-то небольшой водоемчик, другого здесь вроде и не должно было быть. Но когда глубина воды стала сантиметром шестьдесят, Пискарев забеспокоился, потом разглядел, что впереди по воде идут волны, и понял, что они попали в обширный водоем. Приказ немедленно остановиться водитель не выполнил, сказав, что заглохнет двигатель, сдавать назад он тоже не захотел, мотивируя это боязнью потерять гусеницу. Пока они препирались, вездеход продолжал движение вперед, глубина увеличивалась, и машина всплыла, а потом, естественно, дырявая коробка стала наполняться водой, и вездеход начал погружаться с креном на тяжелый передок. Находящийся в кузове Рахин среагировал мгновенно и выбросил на крышу вездехода спальные мешки, большой брезентовый плащ, сумки с ракетами, спичками, записями. Когда вездеход встал на грунт, крыша его выступала над поверхностью воды сантиметром на тридцать. Последний на нее выбрался уже совершенно мокрый водитель. Ярким воспоминанием Пискарева осталось зрелище выплывающих из вездехода и уносимых течением буханок хлеба.

Положение ребят было, мягко говоря, незавидное. Вариант идти вброд до сухого места отбросили. Температура воздуха и воды была в районе нуля, до лагеря оставалось порядка 50 км, и неизвестно, смогли бы они их преодолеть. Решили ждать внешней помощи, но и сами не бездействовали. Конечно, спасло наличие у них сухих спальных мешков, в которые ребята и залезли. Из брезента соорудили своеобразный экран от набегающих волн, вода подмерзала, образуя ледяной защитный валик. Особенно страдал от холода промокший водитель. Чтобы его как-то согреть, Пискарев в своем мешке навалился на него и мял, и массируя. На вопрос: «Как дела, Женя?» тот отвечал: «Х...во, Лазаревич!», но часа через два ему все-таки полечало. Стали думать, как подать о себе сигнал. У них было 6 ракет, но ... не было ракетницы. Забыли. Однако советские люди всегда отличались тем, что, попав в безвыходную ситуацию, часто во многом по своей вине, ухитрялись из нее выкрутиться. Брали ракету, в бою у нее ножом делали дырку, вставляли в нее спичку, поджигали и, используя руку Пискарева в качестве ракетодрома, запускали. Все это кажется невероятным, но это было. Ракета могла не полететь, могла полететь в лицо Пискареву. Обошлось и сработало. Из шести ракет взлетело пять, эту пятую и увидел Редиска. Шестую, несработавшую, с раздолбанной дыркой не выбросили, и она пригодилась. Когда им показалось, что мы их не видим и собираемся уезжать, сделали еще попытку запустить последнюю ракету, и попытка удалась. Ракета полетела как-то вбок, низко и упала метрах в двухстах, но этого оказалось достаточно. Мы ее увидели. К моменту спасения ребята просидели на крыше вездехода, которая уже возвышалась над поверхностью воды не более чем на пять сантиметров, 18 часов.

Вот такая была история, имевшая, к счастью, благоприятный конец. Примечательно, что ни один из наших робинзонов не получил даже насморка. Это при том, что в Ленинграде Пискарев частенько простужался.

Позднее мы узнали, что в тедни имел место сизигийный прилив, который привел к тому, что северная граница залива Геденштрома резко передвинулась на север.

Судьба же нашего славного вездехода-спасителя оказалась трагической. Но это уже совсем другая история.

Часть II. Редиска – «нехороший человек» или кому суждено сгореть, тот не утонет и не замерзнет.

Закончив сейсмические работы, мы должны были на своем вездеходе возвращаться на базу. Бензина было в обрез, только до бочки, оставленной для нас Львом Липковым. Первая наша ошибка состояла в том, что мы свернули лагерь, не удостоверившись в исправности вездехода. Мы не могли его завести в течение нескольких часов, а когда это удалось, приближался вечер. Если бы палатки не были сняты, мы отложили бы отъезд на следующий день. Снова же разворачивать лагерь не хотелось, да и очень надоело нам это место. Поехали, стемнело. Куда-то мы в темноте поворачивали, преодолевали какие-то возвышенности и речки и, наконец, решили остановиться и дожидаться рассвета. Пробуждение было ошеломляющим. Мы поняли, что двинулись в темноте практически по кругу – в нескольких сотнях метров от себя мы увидели наш покинутый лагерь. Горючего оставалось только для того, чтобы доехать до него.

Снова развернули палатки и ждали несколько дней, пока нам доставят бензин. Вторая поездка тоже проходила с приключениями. Мы вышли к западному берегу Котельного значительно южнее Темпа в лагуну Нерпалах, где в 1902/1903 гг. провела вторую зимовку русская полярная экспедиция Э.В.Толля. Оттуда мы поднялись вдоль берега на север и, наконец-то, измученные прибыли на базу. Я вытащил из вездехода только вычурный ящик с сейсмограммами и журналами, отложив дальнейшую разгрузку на завтра, о чем потом очень пожалел. Все разошлись по палаткам и, естественно, стали отмечать окончание такого сложного и нервного сезона.

Разговор у костра

Очередное затопление гравиразведчиков. Не выдержавший испытаний Литинский удирает в Америку.

Где-то часов в десять вечера, когда было уже совсем темно, услышали крики: «Вездеход горит!». Выскочили, надеясь, что горит не наш вездеход, и среди кромешной тьмы увидели зарево. Ошибиться было нельзя – горел именно наш вездеход, имевший характерный силуэт благодаря стоявшей на нем антенне. Тушить уже было бесполезно, успели только другим вездеходом оттащить нашего бедолагу в сторону на безопасное для палаток и остальной техники место. Вот так в огне закончила свою жизнь наша славная машина, весь сезон спасавшая другие вездеходы от затопления. Вместе с ней другие сейсмическая станция, мой карабин, притороченный к потолку кабины, топографические карты. Какое счастье, что я вытаскил из нее материалы всей нашей работы.

Когда наступило утро, выяснилось, что главным действующим лицом в этой истории оказался наш замечательный Редиска. Его нашли в палатке с прогретыми ватными штанами и обожженными ногами. Вечером, выпив, он решил покурить в кабине вездехода и заснул там с горящей сигаретой. Пепел упал на его штаны, которые стали тлеть. Проснулся он только, когда стало горячо ногам, и огонь уже перекинулся на сиденье и брезент, но не поднял тревогу, а убежал в палатку и залез под кровать. Время было упущено, и, когда пожар обнаружили, сделать было ничего нельзя. Редиску санрейсом отправили в Чокурдах, где он месяца полтора пролежал в больнице. С этим Редиской была история в самом начале экспедиции. Вся наша техника своим ходом прошла из Чокурдах через проливы на базу в Темпе. Возглавлял этот выдающийся переход замечательный арктический геолог Дмитрий Александрович Вольнов. Так вот Редиска, находясь в нетрезвом состоянии, вывалился из кузова вездехода и, конечно, должен был замерзнуть. Но его все-таки вовремя хватились, вернулись и подобрали. Не судьба ему была замерзнуть, ему надо было обгореть. Именно после того первого случая он и получил свое прозвище – Редиска, что на жаргоне означает «нехороший человек». Вообще-то парень он был хороший, весь сезон отработал самоотверженно. Из-за холода у него страшно болели все зубы, но

никогда мы не слышали от него жалоб. Да и не заметь он ракету, неизвестно, что было бы с командой Пискарева. Эх, если бы не проклятый алкоголь, скольких замечательных русских людей он стубил!

После этой истории обозначение геофизиков указанным выше эпитетом стало просто обязательным.

Прошли годы, все плохие эпитеты забылись, и остающиеся в строю ё-геологи и ё-геофизики ВСКП поддерживают друг с другом теплые и даже дружеские отношения.

То хорошо, что хорошо кончается

Был май 1973 года. Я пребывал в хорошем расположении духа, потому что удалось добиться продолжения сейсмологических наблюдений на Новосибирских островах, причем не только продолжения, но и расширения. Планировалось вести регистрацию одновременно в двух пунктах архипелага.

До выезда на полевые работы оставалось выполнить простую формальность – пройти медкомиссию. Никаких проблем не ожидалось, но...

Реакция Манту оказалась положительной. Врач сказал, что такое бывает и у здоровых людей, но, на всякий случай, предписал сделать снимки в двух проекциях – анфас и профиль. Выполняя это указание, я отправился на Гапсальскую, получил картонную бирку с номером и встал в очередь. Все шло по хорошо отработанной системе, но, когда передо мной оказался один человек, произошла какая-то заминка. Как выяснилось, закончилась пленка. Через некоторое время процесс возобновился, я прошел процедуру и отправился домой.

На следующий день я пришел в поликлинику, чтобы взять снимки и получить окончательное «Здоров. Годен для работы в Арктике» от терапевта. Все остальные врачи были успешно пройдены. Взял снимки и заключение, на котором вдруг вместо обычного и без всяких сомнений ожидаемого штампа «Органы грудной полости без изменений» увидел написанную от руки более пространную запись. Я запомнил ее дословно на всю жизнь: «Интенсивные очаги ТБЦ, обизвествлен-

ные лимфатические узлы. Сердце и аорта без изменений».

Слегка смущенный, но до конца еще не понявший ситуацию, я отправился к терапевту. Усталая, немолодая женщина-терапевт, особо не разглядывая мои бумаги, уже начала писать «Здор...», как я сказал ей: «Доктор, а что это написано в заключении рентгенолога?». Она посмотрела, потом побелела, потом покраснела, схватилась за сердце. Дальше состоялась такой короткий диалог:

«Как, да у вас же туберкулез, какая Арктика!»

«Доктор, да не может этого быть, я всю жизнь обтираюсь холодной водой, вообще даже не простужаюсь никогда! У меня отправка на работы через три дня»

«Какие три дня, вы что, с ума сошли?! У вас открытая форма туберкулеза. Я кладу вас в стационар. Завтра придете к 15 часам. Никаких разговоров»

Убитый горем, не оттого, что меня туберкулез, это как-то не укладывалось в моей голове, а оттого, что срываются работы, которых я так трудно добивался и с которыми связывал свое научное будущее, я отправился домой. Дома мое сообщение было воспринято как удар грома среди ясного неба. Отойдя от шока, жена, рыдая, тем не менее, железной рукой выделала мне отдельное полотенце, ложку, чашку, миску и изолировала от детей. Жизнь началась совсем другая.

Ночью сна, конечно, не было. Я лежал и перемальвал в голове все произошедшее. И вдруг на меня нашло озарение. Я вспомнил, что на картонной бирке в очереди стоял номер 610, а на снимках, которые сейчас были у меня, номер был 609. Надо сказать, что у меня, еще когда я первый раз взглянул на эти снимки, особенно на тот, который был в профиль, мелькнуло какое-то неосознанное сомнение, мелькнуло и исчезло. Мне было не до анализа.

Теперь же, обнаружив несовпадение номеров, я уже не сомневался: снимки не мои. Стал разглядывать их внимательнее и получил новое доказательство: силуэт был, конечно, женский, причем настолько явно, что не понятно, как врач могла этого не заметить. Вот насколько она была деморализована мыслью о том, что едва не выпустила в Арктику человека с открытой

формой туберкулеза. Потом пришло еще одно воспоминание: в очереди на рентген передо мной стояла здоровенная грудастая тетка, сейчас можно сказать, мало уступавшая Анне Семенович. Она была из плавсостава, не то буфетчица, не то повар. Когда произошел сбой с пленкой, рентгенологи и перепутали снимки.

Утром, не дожидаясь 15 часов, я рванул в поликлинику. Врач, увидев меня, рассвирепела: «Я же сказала вам придти к 15 часам». Тут уже рассвирепел я: «Доктор, вы в состоянии отличить женский снимок от мужского?». Она схватила снимки, убежала с ними в ординаторскую, и через полминуты я услышал дружный хохот. Потом вышел мужчина-врач и, утирая выступившие от хохота слезы, с трудом произнес: «Хорошую же мы вам грудь привесли!».

Ничего я ему на это не сказал... Только говорю: «Что же вы, мастера липовые, делаете? А если бы впереди меня стояла не женщина, а мужчина! Вы бы меня отправили в стационар к туберкулезникам, обследовали, черт знает, сколько времени и сорвали бы мне полевой сезон. Хоть бы извинились».

В одну минуту все мои документы под писали, ругались желания, конечно, уже не было. В прекрасном настроении я вернулся домой, и моя Александра Федоровна, всегда резко отрицательно относящаяся к выпивке, приняла участие в праздновании по поводу моего счастливого избавления от тяжелого недуга. Я думаю, что у той женщины, которая стояла в очереди передо мной, события развивались по обратному сценарию. А впрочем, может быть, и нет. Может быть, получив снимки моих здоровых легких, она продолжила награждать окружающих «палочками Коха». У нас все может быть.

Уже через три дня я был на базе партии в Чокурдах, а еще через десять дней сейсмологические станции начали регистрацию землетрясений в двух точках: в аэропорту «Темп» на о. Котельный и на полуострове Кигилых о. Большой Ляховский.

Вот такая была счастливо завершившаяся история.

Аветисов Г.П.